

Милицейский беспредел: опыт частного сопротивления

Описываемый случай произошел в Москве. Однако российская милиция одинакова всюду, и редакция БАБР.RU считает своим долгом освещать все факты сопротивления нарушителям закона.

Знаете, мне почти 20 лет, но я работаю и потому плачу налоги. Я исправно плачу налоги в пользу государственного аппарата. Его там время от времени расширяют или сокращают, что мне, по сути, все равно. Но каким бы он ни был, я его чуть-чуть содержу и хочу взамен лишь одного: чтобы не трогали. И потому, когда, например, сотрудник милиции останавливает меня для проверки документов, я хотел бы, чтобы все было по форме. Чтобы мне отдали честь и представились, прежде чем спрашивать паспорт. И чтобы, когда я при этом пошучу, переспросив имя и звание, вежливо ответили и сослались на служебную необходимость. И тогда я отдам паспорт, где будет написано, кто я и где живу. С кем сплю, если жена, сколько у меня детей и их имена. Тогда же можно будет узнать, уклоняюсь я от армии или нет, — если в паспорте стоит штампик на 13-й странице. И когда сотрудник милиции на все на это посмотрит, меня, конечно, отпустят. Потому что я — вроде как человек честный, то есть никому не сделал зла, мало того — с московской пропиской.

Я так хочу: не много, но и не мало. Поскольку в жизни эта стандартная процедура проходит совсем по-другому. И к этому как-то привыкли: к циничному милицейскому произволу, публичному и ежедневному.

— Раньше все, что со мной, с нами происходило, можно было назвать избиением боксерской груши. Теперь груша ответила, — он со всей серьезностью разворачивает тетрадь, испещренную формулами, и, найдя свободный листок, чертит расположение видеокамер на станции метро, показывает, где стояла девушка, откуда фотографировал сам, где схватили.

— Они думали, что смогут отмазаться, а я все запомнил.

Вот так, с «мертвой точки», проблему попытался сдвинуть не новый министр внутренних дел и не приказ о зачистке рядов, а московский девятнадцатилетний студент Герман Галдецкий, который за месяц обошел несколько десятков рядовых сотрудников милиции, начальников отделений, прокуроров, оперов Управления собственной безопасности, чиновников Минюста и добрался до главы московского УСБ Натальи Сосновик (к слову, только в феврале назначенной на этот пост). Она и пообещала «разобраться в ситуации».

А «ситуация» такова: у сотрудников милиции Московского метрополитена появилась новая мода: задерживать молодых девчонок и, запугав их, насиловать.

— 8 февраля, поздно вечером, мы с другом на станции «Пушкинская» увидели, как девушку, шедшую впереди нас, остановил сотрудник милиции. Поднес руку к козырьку, попросил документы, потом забрал паспорт и повел ее в отделение. Я подошел к двери и спросил, задержана ли девушка. «Ну нет», — говорят, однако не выпускают. Тогда я вышел на улицу и позвонил в городское УСБ.

— Стоп. Откуда ты взял номер дежурного?

— У меня в мобильнике забиты телефоны практически всех оперативных служб. Я специально скачал их из интернета, потому что знаю: нашим правоохранительным органам вообще-то и убить не слабо... ОБНОН, прокуратура, служба спасения, РУБОП, УБЭП, Управление собственной безопасности МВД, несколько номеров ФСБ — вот что у меня было еще до того, как все это началось.

Вообще-то Герман сначала представляться не хотел. Это только потом я понял, что не из скромности и уж тем более не от страха. Идея у него такая, убежденность или роль: «Я не хочу светиться, зачем мне это? Не во

мне дело».

Несуразно как-то: человек, который только что приехал из отделения, где вытаскивал очередного незнакомца «из-за барьера» (это термин такой), вдруг скрывает свои данные, хотя его паспорт уж месяц как штудирует половина милицейской Москвы.

— Ладно, пиши: технический институт — МИЭМ, знаешь?

И действительно — технарь: всегда в костюме, в кармане — авторучка, в голове все разложено по полочкам и основательно до неприличия, в руках — кожаный портфель, где вперемешку с конспектами — копии многочисленных заявлений: от прокурора до газеты. Не супермен, конечно, хотя все, о чем он говорит, — как-то уж совсем нереально и представляется невозможным.

— Я позвонил в УСБ по Москве и рассказал обо всем дежурному: «Если что-нибудь произойдет, то вам перезвонит мой друг, и вы уже придумаете, что делать». На том и договорились. Я спустился в метро. При упоминании УСБ милиционеры замешкались и девушке тут же разрешили уйти. Она дрожала и плакала, а потом рассказала, что ей угрожали, сексуально домогались, говорили, что если она не отдастся им, то ее задержат и уже не отпустят. А если расскажет кому-нибудь, то найдут и убьют.

Я решил сфотографировать этих людей — в моем телефоне есть встроенная фотокамера. Когда снимки были сделаны, меня заметил один из милиционеров, догнал и приказал все стереть: «Парень, ты чJ, попутал?» — и насильно завел к себе. Все фотографии пришлось уничтожить у них на глазах, пока мне тем временем пытались объяснить, что эта девушка — проститутка: «Она часто у нас бывает. Не просто так бывает, понимаешь? Подожди, вот сейчас мы ее приведем, ты сам увидишь, как она здесь раздвинет ноги». А по поводу фотоснимков сказали, чтобы больше такого не было. Потом отпустили.

Я не стал задавать Герману дурацких вопросов: что заставило его остановиться и войти ночью в отделение вслед за незнакомой; как смог не растеряться среди растревоженных правоохранителей — взрослых вооруженных мужиков, которые обещают убить за «лишнее скажешь», а на следующий день пойти с заявлением в прокуратуру? Просто он взял — и сломал барьер страха перед тем, кто сильнее.

— А ты с юридическими документами раньше имел дело?

— Нет, я вообще раньше ни с чем не имел дело! Ты забываешь: мы с тобой ровесники. Самые распространенные вопросы, что задают мне, — это: имею ли я отношение к оперативной работе. Имею ли я отношение к правозащитным организациям? Связан ли с адвокатами? И еще многое в этом роде. Ни с кем я не был связан и ни к кому отношения не имел. Сам взял и узнал, куда нужно обращаться и что делать.

— Куда же? В районную прокуратуру?

— Не совсем. Для начала я выяснил, что у метрополитена — собственная система правоохранительных органов, своя прокуратура и отделы внутренних дел — свой у каждой линии. В транспортной прокуратуре я, как мог, и написал заявление: «сексуальные домогательства в отношении третьего лица, угрозы расправы, применение физической силы, уничтожение личных вещей и т.д.». Там же познакомился со следователем, он даже выдал мне пустые бланки — если я найду еще потерпевших, не нужно будет везти в прокуратуру их самих, а только заполненные заявления.

Приехал в 5-й отдел ВД метрополитена (сиреневая ветка), рассказал все, написал заявление с просьбой предоставить в прокуратуру видеозапись нашего «разговора» с милиционерами — съемка велась с нескольких ракурсов, камеры я еще тогда заметил. О том, что архив видеозаписи существует, узнал от дежурной по станции — подошел к ней и так, между делом, спросил, сколько по времени хранятся пленки? Она сказала — три дня.

Кассеты в прокуратуру действительно пришли, но совсем из другого зала. Это был явный подлог, и я написал еще одно заявление в прокуратуру в отношении сокрытия улик.

В пятом отделе я разговаривал с замначальника по воспитательной работе Верховцевым. Он сразу дал понять: «Вы защищаете девушку, а я — своих сотрудников. По поводу фотографий и разговоров в отделении — ну, был обычный мужской разговор, ибо проституция пышным цветом цветет и под землей». Потом он проверил мои данные и сообщил, что не нашел меня, как и ту девушку, в своей картотеке.

Что это за «личная картотека» замначальника ОВД метрополитена, по которой проверяют любого задержанного гражданина, сказать достаточно трудно. Сам он объяснял Герману, что в метрополитене существует особый список проституток и прочих подозрительных граждан. Не верилось как-то. Скорее всего, все это действо с «пробиванием» данных — только лишь для того, чтобы произвести впечатление на докучливых молодых граждан, пытающихся найти справедливость. (По крайней мере, в Минюсте нам сказали, что у господина Верховцева легально может существовать картотека только на своих знакомых.) Но Герман продолжал докучать.

Итог этой истории можно было бы назвать хеппи-эндом: сотрудники, что со станции «Пушкинская», после вызова в прокуратуру взяли-таки на себя превышение полномочий (ст. 286) и получили строгий выговор. От остального — отказались. Компромисс достигнут: прокуратура тоже пошла навстречу — раз виновные «наказаны», дело можно сворачивать. И свернули. Объяснить этот шаг — при наличии показаний свидетелей и возможности опознания — видимо, можно только тем, что случай этот — не такая уж редкость.

Догадку подтвердил разговор со следователем прокуратуры:

Герман: ...Но чтобы в воскресный день в Москве к девушке приставали милиционеры...

Следователь: Да такие случаи каждый день происходят!

Герман: Что, вот так просто в самом центре города?..

Следователь: Да на любой станции метро!

Он говорит, что именно тогда и решил для себя: нельзя ограничиваться наказанием двух-трех озабоченных милиционеров. Вспомнил о пустых бланках и стал искать свидетелей и пострадавших.

— В прокуратуре я случайно столкнулся с опером из УСБ метрополитена Василием (фамилии он просил не упоминать). Разговорились, и скоро я уже сидел у него, а опер демонстрировал полку, забитую аналогичными документами, — множество черных папок.

Опер УСБ: Вот сколько у меня таких же заявлений. А знаешь, сколько реально до суда доходит? Хорошо, если десятая часть.

Герман: И что же, все остальное в корзину?

Опер УСБ: Нет, не в корзину — в «довесок» на каждого, если его поймают на чем-то еще. Само по себе обвинение в сексуальном домогательстве ни о чем не говорит.

Действительно, не говорит — никому. И ко всему прочему — трудно доказуемо. Но случаи, когда дело доводят до суда, все-таки есть. Вот, например, прокуратура совместно с УСБ метрополитена взяли «с поличным» начальника с большими погонами. Судят по ст. 131 УК — «Изнасилование».

С оперативником УСБ Герман тоже договорился: будет поставлять ему потерпевших. И во время наших встреч несколько раз переспрашивал:

— Ты, кстати, узнай у своих, может, еще найду кого-нибудь?..

— Не могу себе представить, как искать потерпевших в таких ситуациях...

— Я искал среди знакомых. Развесил объявления на сайтах guns.ru, nelegal.ru, подходил к ребятам в метро. Менты ведь как: они знают, кого можно «тормозить». Видят: одна идет, поздно вечером, одета, скажем так, просто. Проверяют паспорт, смотрят прописку. Задерживают, пока последняя электричка не пройдет. А потом уже говорят примерно так:

— Ну, подруга, выбирай: либо мы сейчас едем на квартиру, и там будем только я и мой друг. Либо отвезем тебя в другое отделение — а там десять мужиков! Выбирай.

И угрозы: «Расскажешь кому — уьем!» Или: «Думаешь, мы не знаем, где ты живешь? Да в паспорте-то написано все, голуба». Оказывается очень сильное давление. Например, заводят за барьер, проверяют

картотеки, намекают на уголовные дела и проч. На подростка это не может не подействовать. Те, подчеркну, девушки, кто морально поустойчивее, сопротивляются, кричат, грозят поставить в известность начальство. А кого удалось запугать — выбирают «квартиру и друга», как, например, в случае на станции метро «Полянка». Там девушке как раз предложили вариант с квартирой, она отказалась, уцепилась за турникет какой-то. Ее буквально оторвали от перил, увезли... И только утром на следующий день отпустили: «Гуляй, а увидим — убьем!».

Эту девушку Герману найти удалось, ее заявление лежит себе в папке, в кабинете оперативника, среди прочих свидетельских показаний, собранных Германом. Как, например, о случае на «Охотном Ряду», где сотрудники милиции просто предложили девушке свою «крышу» — за проституцию, которой она и не думала заниматься. Или — на «Павелецкой», где девушку пытались вывезти на квартиру, но она оказалась не из пугливых, стала кричать и брыкаться — в итоге оставили в покое.

— Переход станций метро «Тургеневская» и «Чистые пруды». Две восемнадцатилетние девушки возвращаются из театра, у каждой в руке — бутылка пива. Останавливают милиционеры: «А-а, типа, распитие спиртных напитков в метро?». Завели в дежурку. Продержали там до утра, начали приставать. Те стали кричать и кусаться: в официальном протоколе — «оказывать сопротивление». Им наручники надели, что вообще в крайних случаях делается, и снова начали лезть. Тогда одна стукнула мента коленкой по яйцам. А он взял дубинку и руку ей перебил.

После «инцидента» логика сотрудников милиции была такова: если выпустить девушек из отделения просто так, то все закончиться может жалобами и судом. Решили подсутиться первыми — и «загрузили» девчонок статьей «За избиение сотрудников милиции». Живое себе представляю: две вчерашние школьницы, закованные в наручники, бьют смертным боем трех «форменных» бугаев. Пока ждали суда, самая «агрессивная» сидела в СИЗО две недели, чтобы потом от самого гуманного в мире получить вместе с подругой по три года условно. Жаловаться они отказались, сказали Герману, что после этой истории в «структуры» ходить зареклись.

С каждой обнаруженной потерпевшей Герман прояснял для себя что-то новое в этом поистине «подпольном» механизме. Так называемая картотека проституток в метрополитене, скорее всего, действительно существует — туда заносят, в частности, и предполагаемых жертв, чтобы потом откреститься.

Пример? Та же «Пушкинская». В центре зала договорились встретиться две подруги. К пришедшей первой пристали: козырнули, отобрали паспорт и спровадили в отделение. Девушке 16 лет — а милиционерам хватило ума предложить ей вот что:

— Признайся, что ты занимаешься проституцией, — тебе ничего не будет. Признайся — и все. И вали отсюда...

Та бы совсем растерялась и, может быть, даже призналась с легко угадываемыми последствиями, если бы не подросшая подруга, закатившая скандал.

— Я почему спрашиваю: все эти заявления, повторные обращения, названия и номера уголовных статей — это же все надо знать. Ты с юристами разговаривал?

— У меня нет денег на консультации юристов.

— А как себя ведет опер, когда ты приносишь ему заявления, приводишь пострадавших?

— Ну я бы не сказал, что он счастлив от того, что я добавляю ему работы.

— По-моему, это и есть его обязанность — собирать доказательства, находить свидетелей. То есть ты делаешь эту работу за него — разве нет?

— И что с того? А потом — куда деваться-то? Он все равно потом вынужден докручивать все, что я ему приношу, — потому что с него потребуют результат.

— А как тебе удалось выйти на начальника УСБ Москвы?

— По объявлению на сайте мне позвонил человек из Минюста, представился Владимиром, предложил свою помощь. Давал мне советы по телефону, я несколько раз просил его вытащить людей из дежурки. Потом он

пообещал свести меня с начальником московского УСБ Натальей Сосновик. Мне назначили встречу, на которую я должен был привезти и нескольких потерпевших. С Владимиром мы общались только по телефону, а впервые я увидел его в тот день, когда произошло похищение.

— В смысле?

— Мне позвонил редактор сайта nelegal.ru. Сказал, что нужно срочно выручать его знакомую, уроженку Украины, которую задержала милиция — уже не метрополитена, а ОВД «Северное Медведково». Говорит, что из отделения не выпускают: поняли, что имеют дело с жертвой, у которой здесь, в Москве, реально нет никаких прав. На дворе ночь, начальства нет, полно свободных камер, перед ними нелегалка... Мне было ясно, что речь идет о секундах.

Опер из УСБ метрополитена отказался помочь, сослался на ограниченные полномочия. Тогда я позвонил Владимиру из Минюста, он — в ОВД и потребовал освободить девушку. Вместо этого милиция сфабриковала документы на депортацию, хотя положено депортировать только после того, как оштрафуют три раза за отсутствие регистрации. Говорю «сфабриковала», потому что судья просто их послал с этой «липой».

Менты поняли, что как только она выйдет из здания суда, то у них неминуемо возникнут проблемы. И решают повесить на нее хотя бы что-то. Поэтому и похищают ее сразу же, на выходе из зала суда, на глазах у всех. Я узнал об этом от редактора сайта. Новость заставила действовать немедленно. Владимир вновь позвонил в ОВД и объяснил, предварительно представившись, что он и УСБ с ними сделают. Через час девушка была свободна.

Вот так — шаг за шагом — развивался этот частный детектив, готовый вылиться в серию громких скандалов. О Германе уже знали, ему звонили совершенно незнакомые люди, считая его почему-то последней надеждой и защитой.

А Герман искал свидетелей, встречался с ментами, потихоньку обрастая своими маленькими хитростями: кого-то выслушать и просто уйти, при ком-то упомянуть УСБ или Минюст, кому-то между делом сообщить про знакомого журналиста. И всерьез все — потому что судьбы людские, и чуть увлекательно — роль полушпиона, полурыцаря, сражающегося с вполне конкретными ментовскими мельницами. Очень конкретными.

— Молодой человек — свидетель по случаю на «Пушкинской», был недавно избит сотрудниками милиции. Он стоял в переходе с двумя своими знакомыми. Менты выделили его из толпы и избили. Знакомого, когда тот попытался вступить, просто ударили. А свидетелю выбили передние зубы. Трое милиционеров в форме сели после этого в свою служебную машину и уехали, а он запомнил номер — У-5062. Сразу мне позвонил, поскольку понял: избили именно из-за этой истории. Я передал номер автомобиля в УСБ — и через 20 минут экипаж службы был задержан.

И начали происходить интересные вещи. Избитого повезли в отделение, к которому приписана эта машина. Я туда позвонил, с начальником говорил, просил отвезти парня в травмпункт. Ничего этого не сделали. Ему показали троих сотрудников: «Вот эти тебя били?». «Нет». — «Это же экипаж той самой машины, а кто тебя бил, мы не знаем. Машина наша, сотрудники не наши. Ты что-нибудь имеешь против этих конкретных людей?» — «Нет». — «Вот и напиши, что ничего не имеешь против...».

Когда я пригласил его пойти со мной в УСБ и рассказать там обо всем, он отказался. Сообщил, что забрал свое заявление и никуда не пойдет и против никого ничего теперь не имеет. Странное поведение.

Странное?

— Алло, Герман, привет. Ну как там у тебя?

— Порядок. Мне помогают. Сегодня собирались ловить за руку ментов — спецоперация с мечеными деньгами, камерами — я должен был участвовать... Да кто-то слил информацию, в последний момент пост сменили — оказались совсем другие люди. Пришлось ни с чем возвращаться. Жаль... Но в следующий раз получится.

На его месте — мне представить это нетрудно, все же ровесники — я бы точно курил, носил кожаную куртку и таинственно щурился. И вообще — играл романтическую роль более выпукло. А он, Герман, — нет.

Сидим, пьем сладкий кофе. О себе рассказывать не хочет. Категорически.

— Ну, — говорит, — спроси меня еще что-то по делу, может, я забыл...

И вдруг смеется. Вспомнил, как к одной девчонке (тоже потерпевшей) приехал в институт «на понтах» — с цветами. И та согласилась и заявление написать, и все рассказать в УСБ.

И он рад тому, что все у него получается. И я бы был рад, когда сначала некий майор рассмеялся бы мне в лицо, а потом заполучил бы выговор в личное дело.

То, что делает Герман, — безусловно правильно.

Только я, ну вот хоть убейте, — не могу выбросить из головы, что он — просто студент, такой же, как я. Понять не могу, как он взялся за все за это в одиночку? Зачем стал таскаться по отделениям и кабинетам всей этой «погонной» лавочки, трясти кипой документов перед большими звездами? Борьба с системой? Внутренняя убежденность и четко поставленная цель? Может быть, хотя я почему-то в это не верю. Вернее, не верю в желаемый результат. И смотрю на это иначе.

Я вижу, как с помощью настырного паренька один мент подсиживает другого. Как прокурор, вместо того чтобы уличить этих маньяков, на основании собранных им показаний предлагает искать потерпевших студенту Галдецкому. Как пылятся в шкафу у опера кипы документов, в которых что ни слово, то испоганенная жизнь. Вот как я думаю.

И еще я думаю, что никакая система не рухнула и даже не треснула, когда в нее со всех своих сил врезался человек девятнадцати лет. Она просто избавилась от испорченных винтиков — как от больных зубов.

А, может, они подавятся? Потому что боксерские груши начали отвечать.

Константин Полесков

Автор: Артур Скальский © Новая газета ОБЩЕСТВО, РОССИЯ 4585 14.04.2004, 12:00

URL: <https://babr24.com/?ADE=12480> Bytes: 20255 / 20186 [Версия для печати](#) [Скачать PDF](#)

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)

- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:

newsbabr@gmail.com

Автор текста: **Артур
Скальский.**

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: [@babr24_link_bot](https://t.me/babr24_link_bot)

Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь

Телеграм: [@bur24_link_bot](https://t.me/bur24_link_bot)

эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова

Телеграм: [@irk24_link_bot](https://t.me/irk24_link_bot)

эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская
Телеграм: @kras24_link_bot
эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская
Телеграм: @nsk24_link_bot
эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин
Телеграм: @tomsk24_link_bot
эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"
Телеграм: @babrobot_bot
эл.почта: eqquatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)